

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

24 мая 1986 г.

Виктор Розов

Часто встречаюсь с читателями. И очень люблю эти встречи. Устраивают их то в читальных залах библиотек, то в домах и дворцах культуры. Дыхание зала единит меня с людьми, для которых пишу, наполняет верой во все лучшее. Я вижу горящие, ищущие глаза, полные интереса, понимаю тягу людей к чему-то прекрасному, чего, может быть, не хватает в жизни...

Совсем недавно была встреча со старшеклассниками Зеленограда. Со мной поехала моя дочь Татьяна (она молодая актриса МХАТа), которая читала отрывки из моей будущей автобиографической книги «Путешествие в разные стороны». Пишу ее очень давно, и даже не думал, что выйдет со временем целая книга. Составилась она из глав, речь в них то о Костроме, то о Нью-Йорке, то о Марии Бабановой, то об Анатолии Эфросе, то о годах нэпа, а то о войне... Печатались главы в «Юности», «Смене», «Авроре», «Неве» и других журналах. Эта книга как бы путешествие моей памяти по тем удивительным событиям и встречам, которые случались на моем пути. Удивительного оказалось так много, что я и сам удивился!.. Каждый день жизни удивителен. Надо лишь это заметить. Я так и сказал на встрече в Зеленограде. Ребята не остались в долгу. Они удивили ворохом записок. Были всякие вопросы. Например: «Как вы относитесь к побеси В. Тендрякова «Ночь перед выпуском»? Или: «Ваше мнение о фильме «Чучело»? Но получил записки и иного рода: «Как стать самим собой? В какой степени взрослые имеют право вмешиваться в твою жизнь, решать за тебя? Или вот такая: «Как же так? Жизнь все лучше, благосостояние растет в соответствии с политикой партии, а завистников и подлецов не становится меньше, хотя и читаем, и смотрим хорошие книги и фильмы? Что же делать?». Еще: «Часто по радио можно услышать письма молодых (подчеркнуто) людей, в которых они просят совета в любви (чаще в «несчастной») у всей страны. Не мельчают ли при этом их чувства?». Вот ведь как... Признаюсь, меня эти записки, которые получаю из зала, очень радуют. Даю ответ перед лицом сотен людей, напряженно следящих за этим публичным диспутом, в меру своего разумения. А иногда, в особо сложных случаях, отсылаю моих слушателей к более сведущим товарищам, так я и говорю: «Ищите ответы у товарищей классиков!»

Да, встречи со зрителем — читателем, причем самым разным, от старшеклассников и учащихся ПТУ до сотрудников научно-исследова-

тельских институтов, обогащают. И по вопросам чувствуешь повышенную требовательность к литературе, к театру, к кино — к чему хотите! — которую мы же сами воспитали и развили в наших детях, вырастающих так быстро и прямо-таки на глазах...

Как драматургу мне, конечно, ближе проблемы театра.

Не слишком ли много в театре инсценировок? Хотя мне тоже принадлежат инсценировки по произведениям классики, я все же думаю, что это разные искусства — литература и кино, литература и телевидение, литература и театр. Когда одно пытаются приспособить к другому, ничего хорошего из этого не выходит. Мне могут напомнить мой пример: пьеса «Вечно живые» В. Розова и фильм «Летят журавли» режиссера М. Калатозова и оператора С. Урусевского. Да, это так; одно без другого не могло состояться. Однако как одно, так и другое спокойно живет самостоятельной жизнью! А главное-то вот в чем: чудо книги, чудо чтения рождается как бы само по себе, вы пробегаете глазами черные буковки и строчки романа и с помощью великого дара воображения представляете себе своего Дон Кихота, своего Андрея Болконского, которые не обязательно такие же, как, скажем, хорошие актеры Николай Черкасов и Вячеслав Тихонов... Сознаюсь, меня мои инсценировки русской классики для театра всегда не удовлетворяли. С горечью видел, сколь упрощенными представляли персонажи великих произведений на сцене. Надо ли нам отучать читателей воображать?..

Воображение — это непрменный компонент любого творчества. Без него не может быть и самого творчества.

А успех?... Что ж, при нынешней ситуации едва ли не каждый спектакль в лучших наших театрах, да и потому еще, что вообще театров мало, «обречен на успех».

Сейчас я читаю по утрам или среди дня книжки своей трехлетней внучке. Она уже привыкла к этому занятию и, едва проснувшись, кричит:

— Деда, почитай!

Чтение наше длится довольно долго. При этом я думаю: «Дай-то, бог, Настеньке любовь к книгам сохранить навсегда!» Вероятно, с самого раннего детства, как только научился читать бегло, мне приходилось доставать книги. Именно доставать, потому что у нас в доме по бедности родителей не было ни одной. Иногда я думаю, будь у нас своя отличная библиотека, мое отношение к книгам могло быть вялым. Я же ходил по знакомым и выпрашивал. Считал это роскошью — получить хорошую книжку для прочтения. Нес бережно, прижимая к груди, предвкушая наслаждение, которое она

сулит. Сейчас приду домой, открою ее, уйду в какой-то иной, неведомый мир... А что может быть заманчивее, чем открывать неизвестное и неизведанное? Чтение сравнимо лишь с удовольствием, которое дарят путешествия.

Мой отец был мелким служащим и получил небольшое образование в объеме церковно-приходской школы. Мать умела читать, но почти не владела пером. Однако духовно и нравственно родители мои были богаты, они поощряли в нас, детях, тягу к чтению. «Иди к Огородниковым! — говорил отец, адресуя меня к соседям. — У них хорошие книги». Началась первая мировая война. С нее отец вернулся с тяжелым ранением. А вскоре в Ярославле, где мы жили, вспыхнул белогвардейский мятеж...

Помню сильный артобстрел, вся наша семья — отец и мать, двое маленьких детей — в подвале какого-то каменного дома, который послужил надежным убежищем, а мог бы стать фамильным склепом... Утихла стрельба, мы выбрались из подвала, но своего дома уже не нашли: он был снесен до основания. Мы как были в нехитрой одежде, когда спасались от выстрелов, так и остались с приклеившимся горьким именем — беженцы... Переехали в город Ветлугу, отец стал грузчиком на пристани, а «мои университеты» у знакомых, имевших книги, продолжались...

Сейчас, читая внучке книжки, о которых многие из нас, дедушек и бабушек, могли в детстве только мечтать, я боюсь ее перекармливать. Перекармливать именно тогда, когда она говорит: «Почитай еще!», а не тогда, когда скажет: «Хватит!»

Приношу ей купленные книжки и прячу, а потом вынимаю по одной, как какие-нибудь вкусные конфетки. Если наступит момент, и внучка скажет: «Не хочу читать!» — я отвечу: «Ну и не надо!» И спрячу книжку.

Нет ничего хуже, чем принуждать к чтению и при этом говорить о великом его значении. Принуждать к удовольствию — это именно отворачивать от удовольствия. Если мне будут насильно вливать пирожное в рот, у меня это вызовет только отвращение. Думаю, что беда преподавания литературы в школе не оттого только, что учебники скучные, а именно оттого, что детей принуждают к чтению, а не приучают и не приманивают.

На меня, как, думаю, и на многих читателей, большое впечатление произвела статья Даниила Гранина в февральском номере «Литературной газеты», где он привел результаты социологического исследования. Его провел Ленинградский педагогический институт имени Герцена среди десятиклассников Ленинграда, Петрозаводска, Шадринска, Саранска. Опросили почти четыре с половиной тысячи учеников. И что же? Картина выявилась, прямо скажем,

удручающая. В ответ на вопрос анкеты «Какие книги, прочитанные вами не по программе, а по собственному желанию, произвели на вас особенно сильное впечатление?» — ребята не назвали ни одного произведения отечественной классики! Ни одной значительной книги советской литературы!.. Это не может не насторожить. Вероятно, все мы, писатели, педагоги, библиотекари, люди, причастные к воспитанию, находимся в плену утешительных стереотипов. Как же... Ведь живем мы в стране сплошной грамотности, в стране, где все читают, может ли у нас быть такое, чтобы молодежь не любила книгу?.. А между тем я заметил у некоторой части молодежи падение интереса к чтению. Жаловались мне на это и родители, и работники юношеских библиотек: читателей стало меньше!..

Нехороший симптом.

Есть и другая сторона у этого явления. Большой спрос, говорят библиотекари, у молодых на детективы и приключенческую литературу. Нечто вроде открытого ринга, на котором сошлись в схватке — кто кого? — герои классики и персонажи современности, причем чаще всего в нокауте оказываются первые... То, что юные запоем читают детективы и приключения, — это хорошо. Каждому возрасту соответствует своя литература. Никакой беды в увлечении детективами и приключениями, как, впрочем, и фантастикой, я не вижу. Опять-таки в таком далеком-далеком детстве вижу себя, мальчугана, со страхом и сладким замиранием сердца раскрывающим очередную книжку из серии о похождениях знаменитых сыщиков Ника Картера или Ната Пинкертон... А на цветных обложках этих жутко интересных книжек кто-то кого-то душит, кто-то кого-то режет, кто-то в кого-то целится в упор... Сейчас с высоты своего возраста и опыта я бы сказал: «Какая белберда!» Но тогда у 12—13-летнего читателя горели глаза и пятнами покрывались щеки, пылало воображение... Пройдет два-три года, глядишь, и в руках у подростка окажутся книги Луи Буссенара, Фенимора Купера, а за ними и Жюль Верна, Герберта Уэллса, Александра Беляева (особенно я любил его «Властелина мира»). Пройдет время, и с таким же горячим нетерпением юноша приступит к Чехову, Толстому, Достоевскому... Представляю, что было бы с моим воображением, если бы меня заставляли читать «нужные» книжки... Мозг мой засох бы и уже не был бы способен воспринимать что-либо!

Сегодня, увы, мой круг чтения — рукописи. Сколько их приходит ко мне!.. Чаще всего это очень слабые попытки сочинительства. Но вот приходит ночь. Я уже где-то писал: омывать нужно не только руки, лицо и тело, но и душу. И едва ли не лучший способ омывать ее —

СКАЖИ, ЧТО ТЫ ЧИТАЕШЬ?

ВЕРШИНЫ СУЩЕСТВУЮТ!

хорошая книга. Так вот. Как с самого нежного возраста детям внушают, что нужно мыть руки перед едой, так я бы рекомендовал читать классику на ночь. Хотя бы несколько страничек! Чтобы прийти в себя, понять, что человеку всегда надлежит быть естественным и простым, и освободиться от надуманных норм поведения. Когда я уходил на фронт, то взял с собой только самое необходимое, со мной была толстая общая тетрадь, в которой было много выписок из книг... Вместе со мной там, в окопах, были и Лев Толстой, и Стендаль, и Чехов, и Достоевский. К сожалению, когда меня тяжело ранило, тетрадь осталась на поле боя. Как раз сейчас я перечитываю «Братьев Карамазовых». Ну и как не вскрикнуть от восторга, когда читаешь такое:

«Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красота!» Тут, в этих словах, Митя Карамазов целиком. Тут-то и понимаешь, какова жизнь на самом деле, а не то пирожное безе, которое тебе с утра преподносят на телевизионном блюдечке!

На одном из выступлений меня, человека почтенного возраста, спросили: «Почему сейчас литература плохая, а в XIX веке была великая?» Откровенно говоря, я чуть не рассердился. Ну как можно говорить такое, когда у нас есть Чингиз Айтматов, Валентин Распутин, Василь Быков, Григорий Бакланов, Виктор Астафьев, Василий Белов, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский... Да разве всех перечислишь!.. Немало их, писателей-современников, которые могут дать пищу и для твоего ума, и для твоего сердца. Уж не думаю я, что задавший вопрос далеко обогнал в своем умственном и эстетическом развитии всю советскую литературу!..

Конечно, есть у нас и такие писатели, которые издаются немалыми тиражами, но книги их слабые до беспомощности. Однако огорюсь: я никогда не ругаю своего собрата по литературному цеху потому еще, что и без того на нас немало когтистых и зубастых критиков и начальников.

Часто в интервью и на встречах задают один и тот же вопрос: какого автора вы больше всего любите? В разные времена я отвечал по-разному. А потом понял: как я был неправ!.. Называл то Пушкина, то Чехова, то Достоевского, то Лермонтова, а в один прекрасный день понял: ведь меня же питали все великие писатели!.. Они все доставляли мне наслаждение и поднимали в те минуты на ту высоту, на которой они находились сами. Да, потом я снова спускался вниз, но я знал: вершины существуют. Снова доставал книги, чтобы подняться туда...